

Валерий СДОБНЯКОВ

ВОЛОДЯ

Валерий Викторович Сдобняков родился в 1957 году в Красноярском крае. Секретарь Союза писателей России. Председатель Нижегородской областной организации Союза писателей России. Основатель и бессменный главный редактор литературно-художественного журнала «Вертикаль. XXI век». Автор более двадцати книг прозы, публицистики, критики. Лауреат литературных премий Нижегородской области им. М. Горького (2004, 2012), города Нижнего Новгорода (2004, 2007), всероссийских премий «Хрустальная роза Виктора Розова» (2006), «Белуха» им. М. Гребенщикова (2012), Международной премии им. М.А. Шолохова (2008) и др. В 2011 году Указом Президента РФ награждён государственной наградой — Медалью Пушкина. Живёт в Нижнем Новгороде.

1

В дверь негромко, но настойчиво постучали.

Сквозь сон не понял: это было на самом деле, или мне приснилось.

Прислушался.

На крыльце осторожно скрипнула половица, и всё смолкло.

Я взглянул на будильник, стоявший у книг на стеллажах, убедился, что ночь только заканчивается. Ранний утренний сумрак заполнял комнату сероватым неясным светом. В этом свете оструганные тёмно-медовые плоскости старых брёвен угадывались чернеющими трещинами-разрывами.

Вновь засыпая, ослабленным сознанием я ещё успел подумать: «Кто бы это мог быть?» И тут же самому себе ответил: «Володя».

По деликатности стука, по уважительным к покою хозяев, осторожным шагам на чужом для раннего гостя крыльце это мог быть не иначе, как он.

Только в деревне у меня получается так долго и безмятежно спать. Никакие посторонние звуки не доносятся с улицы. Лишь крик соседского петуха проникает непрошеным гостем куда-то вглубь сознания и там затухает, теряет силу, умолкает, не нарушая глубокого сна. Потому всякий день мы встаём поздно. По деревенской классификации нам одна оценка: «лежебоки».

Этот день ничем от предыдущих не отличался, и потому только к десяти часам утра я увидел на крыльце в чашке пятток куриных яиц.

Ну, конечно, их оставил Володя. Встав спозаранку, чтобы идти пешком в совхозный гараж (там работал стропальщиком), он успел проверить тайком от старушки матери, что за ночь снесли куры, и обнаруженное оставил у нас в надежде, что позже за приношение удастся опохмелиться.

Когда у меня в доме была водка, я без всяких подношений наливал Володе половину стакана: меру свою он знал и за один раз больше не выпивал.

В то же время Володя считал, что задарма водку ему никто наливать не обязан (это было его принципом, если хотите — сохранением чувства собственного достоинства: мол, ничем я не хуже вас, но уж так получается, что обращаюсь по надобности, и

не за подаванием, а на принципах взаимовыгодного обмена), и потому тоже пытался чем-нибудь отдариться: обрезной доской, привезённой тайком с местной лесопилки, десятком всегда нужных в хозяйстве больших гвоздей, срубленной недалеко от дороги крепкой жердиной...

Каждый раз от его приношений я отказывался, ругался (так, для острастки, но осторожно, чтобы ненароком не оскорбить искренних Володиных чувств), бывало, что и стыдил, но он находил способ тихонечко свою поклажу оставить на ступеньках бани, что стояла через дорогу от дома, у забора палисадника — в саду под старыми яблонями. Я находил эти «закладки» довольно продолжительное время спустя, когда возвратить их уже не было никакой возможности — только на себя наводить гнев его родственников: старшей сестры и матери, которые оставались в полном и непреклонном убеждении, что все соседи и знакомые только и думают, как бы спойти их брата и сына, а заодно выманивают у него всякую необходимую в хозяйстве вещь.

На этот раз Володя принёс свой «подарок» впрок. Значит, вечером зайдёт выпить положенную порцию водки.

Я позвал жену, показал стоящую на лавке миску.

Невольно вздохнув и сокрушённо покачав головой, жена озабоченно сказала:

— У нас у самих полный холдильник, только из города все привезли.

— Пойдёте с девчонками пить козье молоко, вот и отдадите бабушке.

Жена, соглашаясь, кивнула, хотя предстоящая передача законной хозяйке тайком принесённых нам яиц, снесённых ею лелеянными курицами, могла иметь для нас определённые последствия.

Дело в том, что мать Володи, добрая и трудолюбивая не по годам женщина, единственная на всю нашу дачную деревню держала козу. В качестве профилактики от простудных заболеваний моя супруга решила поить малолетних дочерей козьим молоком. Договорившись с недалёкой соседкой, двор которой всего через дом по порядку, она каждый вечер, когда пасущуюся невдалеке на привязи животинку приводили к её хозяйке, забирала девченок и шла в ближайший конец деревни. Хозяйка, только подовив рогатую своевольницу (норов у козы был тот ещё: то умудрится вырвать кольшек, к которому привязывалась удерживающая её верёвка, и убежать; то вот не гуляется ей на лужку, залезет в придорожные кусты и там запутается), тут же процеживала через марлю и наливала молоко в кружки детям, и те ещё тёплым его выпивали.

Предстоящая процедура передачи незаконно изъятых из

хозяйства её сыном пяти куриных яиц могла нарушить все нами ранее достигнутые договорённости.

Но уж тут как получится.

3

По своему рождению Володя не местный. Жизнь его помотала по необъятным просторам Советского Союза — от средней полосы России до Камчатки. Была у Володи и семья — жена, дочь. Но это всё осталось в каком-то далёком и неясном, за чередой многих прожитых лет прошлом. Сам он только раз с горечью об этом вспомнил, как о чём-то почти невероятном и малореальном. Развела, раскидала их судьба в разные стороны раз и навсегда, чтобы не соединить уже никогда.

Невысокого роста, худощавый, с прореженными временем, высвеченными до пепельной седины волосами на голове, с пербитым и после неровно сросшимся носом, что придавало его лицу некоторую несуразность и даже комичность, Володя производил впечатление человека пьющего, утомлённого жизненным неблагополучием.

Но и в облике его, и в выражении лица было много добродушия, незлобивости, мягкости, в хорошем смысле этого слова — простоты. Потому и называли его все, несмотря на, в общем-то, солидный возраст, без затей, словно был Володя ровня как

старожилам нашей деревни, так и подросткам.

Деревенской работой Володя занимался с понуканием. Изначально он не был к ней приучен, и потому только упрёки матери да увещевания, взывание к совести, угрозы сестры могли заставить его выйти на усадебный участок с лопатой вскопать грядки или с мотыгой окучевать картошку. Однако стоило надзору чуть-чуть ослабнуть, как Володя испарялся, исчезал из огорода, с усады, со двора, и после найти его можно было, только приложив немалые усилия, заставившимся в гостях у кого-то из своих знакомых-собутельников.

Вольная душа была у Володи, не терпящая привязанности к земле или дому.

Была у этого человека и одна удивительная, мало свойственная обыкновенному деревенскому люду черта: он знал и любил стихи Сергея Есенина. Кое-что из сочинений поэта, несмотря на тяжёлые удары по памяти большей частью дешёвого и некачественного алкоголя, он до сих пор помнил наизусть.

Неведомыми для меня путями как-то проведая, что я имею определённое отношение к литературному труду, Володя однажды, возвращаясь с работы, традиционно в подвыпившем состоянии, подошёл (я косил траву напротив своего дома) и с чувством, проникновенно, словно открывая нечто потаённое, давно

хранимую тайну, признался, что очень меня уважает.

Я был тронут словами соседа, а он прочитал мне наизусть стихотворение русского поэта:

*Мы теперь уходим понемногу
В ту страну, где тишь
и благодать.
Может быть, и скоро мне
в дорогу
Бренные пожитки собирать.*

*Милые берёзовые чащи!
Ты, земля! И вы, равнин пески!
Перед этим сонмом уходящих
Я не в силах скрыть своей
тоски.*

И, вздохнув, махнув рукой, не читая последующих строк, завершил:

*Знаю я, что в той стране
не будет
Этих нив, златящихся во мгле.*

Володя повёл рукой в сторону поля.

*Оттого и дороги мне люди,
Что живут со мною на земле.*

4

При всей вольности своего характера Володя всё-таки был человеком хозяйственным. Хоть упрекали его родные за леность, мне стоит отметить, что в этих упрёках далеко не всё было справедливо.

Я уже упоминал, что он работал в совхозе за несколько километров от нашей деревни. Часть пути, преодолеваемого Володей ежедневно, проходила через лес. И в каком бы он ни был состоянии, всё равно тащил на плече срубленную жердь, засохшую лесину. Всё принесённое устанавливал в виде пирамиды возле бани. Со временем эта пирамида многократно разрасталась как в ширину, так и в высоту.

— Зачем ты всё это таскаешь? — как-то пожалев его труды, казавшиеся мне бессмысленными, спросил я у Володи.

— Хорошими покупными дровами летом печь топить не будешь. А нужно и для скотины приготовить, и для птицы, и постирать в печке-прачке, подтопок растопить, чтобы в сырую погоду избу согреть. Вот этот бросовый сухостой и пойдёт в дело.

Объяснял всё это Володя, стоя у своего дровяного сарая, под завязку набитого заготовленными хорошими сухими колотыми дровами.

Вообще нравилось ему иметь дело с лесом. С огородом — нет.

За то время, что я его знал, у Володи прожили свой век две собачки: обе маленькие, чёрненькие, лаючие, если подойти к его дому, тем более к калитке. Тут возмущению собак не было предела: до хрипоты, до крайнего звериного озлобления, до вздыбливания шерсти на невзрачных коротких загривках. Кто их этому учил, сказать трудно. Не

верится, чтобы подобную воспитательную работу проводил сам хозяин.

В то же время, когда сами свободно бегали по деревне, это были обыкновенные, добродушные, беспородные дворняжки: в меру трусливые, в меру заискивающие, в меру жуликоватые.

Первой была у Володи сучка Жучка. Прожив сполна весь свой собачий век, она умерла и была зарыта в землю на краю картофельного усада скорбящим по ней хозяином. Второй щенок, что принёс Володя на свой двор, оказался кобельком. В память о своей любимице и преданном друге новой собаке Володя дал похожую с прежней кличку — Жучок.

Жучку ненадолго, но всё-таки пришлось пережить своего хозяина. Так уж угодно было распорядиться неведомой для нас собачьей судьбе. Ну да об этом речь ещё впереди.

5

Зимой в нашей деревне одно время оставались жилыми всего два дома: один — первый от дороги с начала порядка; другой — в самом конце его у леса.

Когда я только купил здесь дом, были и ещё постоянные жители, но довольно быстро деревня осиротела. Дорогу к ней стало заметать снегом, и если браконьеры-лесорубы не тащили на тракторах из леса свою незаконную добычу, то она и вовсе

напоминала нетронутую целину. И тогда жизнь в наших краях сразу дичала. С остальным миром её соединяла только с большим трудом набитая малым числом жителей тропинка до совхоза. Там работал магазин, была почта и, какая-никакая, власть. В деревне же жизнь настораживалась от полной оторванности и беззащитности.

Одинокая старушка, жившая в начале деревни, каждый месяц во время получения пенсии подвергалась ограблению местными пьяницами. Они приходили из совхоза, требовали денег, грозили, и бедная женщина всё им отдавала. Боясь мести, она не смела на злодеев заявить в милицию. Да и где они — защитники? Далеко. А лихим людям что стоило сжечь хозяйку вместе с домом, коровой и прочим хозяйством — пустяк, только спичку поднести к стожку сена, что высился у двора под старой, неизвестно какой век стоящей ветлой.

Когда был жив её муж, местный лесник, — поговаривали, что мужик резкий, норовистый, властолюбивый, втихую приторгывающий государственным достоянием, — так кто бы её посмел тронуть. А теперь, как сухая травинка в занесённом снегом просторе, — кто хочет, тот и сломает, затопчет, в поле от этого ничего не изменится.

К дому Володи злые люди подходили ли, нет ли, я не знаю, об этом ничего слышно не было.

Раз по какой-то срочной надобности я приезжал в свой дом поздней осенью, в самый предзимок, на легковом «Москвиче». В народе эту машину называли «каблучком» за своеобразную форму небольшого грузового фургончика вместо пассажирского салона.

Дорогу заморозило, будто асфальтом покрыло, потому добрались мы с шофёром до дома без проблем. Гляжу, бежит ко мне Володя.

— Выручай, привозил из совхоза козла для своей козы. Теперь его нужно вернуть хозяевам, а я с ним управиться не могу: сильный, рогами бьётся.

Что делать? Решили помочь соседу.

— Только придётся тебе вместе с козлом в фургончике ехать. Другого места в машине нет.

Володя с радостью согласился. Убежал. Вскорости тащит на верёвке упирающегося здорового козла с закрученными к спине рогами. С великим трудом погрузили этого невероятно вонючего зверя в фургончик. Следом уселся Володя.

Довезли мы их до совхоза. Володя повёл сдавать козла хозяевам, как полностью и добросовестно выполнившего своё дело по увеличению козьего поголовья.

Позже, уже весной, вновь приехав в деревню, я узнал, что Володя в этот день получил травму головы — то ли сам разбил её, ударившись о батарею

отопления в одном из подъездов жилого дома (спускался со второго этажа на первый и на лестничном пролёте не удержал равновесия, упал), то ли кто его неосторожно толкнул — это так и осталось невыясненным.

Понятно, что был Володя сильно пьян, потому и не мог ничего толком вспомнить. Не хотелось думать, что кто-то сознательно, по злобе, его, беззащитного, жестоко избил. Хотя в пьяном неразумении, запальчивости чего только не случается.

6

Лечился Володя в городе, в хорошей больнице, где сестра его работала медсестрой. Поплакала перед начальством, договорилась с врачами, и брата из района перевезли в областной центр. Закончилось дело оформлением преждевременной пенсии по инвалидности, чему Володя был несказанно рад. Теперь выплаты оказались выше, чем его зарплата в совхозе, к тому же и работать больше было не нужно.

Всем известна поговорка: беда одна не ходит. Так и тут: вскорости тихо и незаметно умерла у Володи мать-старушка. И остался над ним лишь один контроль — сестра, которая далеко, в городе.

Летом-то ещё куда ни шло. Каждый выходной слышен был в нашем конце деревни её громкий распорядительный голос. При ней не побалуешь. К тому

же спирт для успокоения души и плоти страждущего она непременно привозила и братца, под строгим контролем выпиваемой нормы, угощала — как же, ведь родная кровь, хоть и безалаберный, а тоже жалко, хочется побаловать. К тому же начали мучить Володю сильные головные боли, а когда выпьет чего, так вроде полегче.

А вот зимой, долгими покинутыми одинокими днями, когда понимается, что спасение от тоски и ночных страхов только в одном — в вине? Как тут быть, как прожить?

Да тут и сосед внезапно объявился. Ещё одного неисправимого пьяницу спровадили из города жить в деревню. Вроде бы как дом сторожить от лихих людей, а на самом деле хоть немного отдохнуть от его бесконечных загулов, дебошей и требований денег на выпивку.

Вот на пару с этим соседом, мужичком шкодливым, в мелочах хитроватым, Володя и стал подворовывать: то в своей деревне, то в соседних. Немного, так только, чтобы на выпивку хватило. О закуске речи не шло — сосед хоть и алкоголик, но и заядлый грибник, за лето при любых погодных обстоятельствах успевал этого добра заготовить впрок: и засолить, и насушить.

По весне вернувшись в деревенские дома дачники замечали незначительные пропажи в своём хозяйстве, расстраивались,

сокрушённо передавали друг другу недобрые вести (у кого лист фанеры пропал, приготовленный для ремонта веранды, у кого набор инструментов, у кого переносной насос воду из речки для полива качать), да и забывали об этом в наступивших хлопотах борьбы за урожай нового дачного сезона.

Кто мог быть причастен к случившимся пропажам, некоторые догадывались, между собой нет-нет да шушукались, но прямо подозреваемым в лихоимстве соседям обвинения не предъявляли. Неловко как-то: живём рядом, в одной деревне, на одном порядке. А вдруг подозрения несправедливы, ведь за руку никто не пойман. Мучайся потом, прячь глаза при встрече, если подозрения не подтвердятся. Да и не так уж жалко пропажу, по большому-то счёту. Обидно только, оскорбительно.

Деревня наша небольшая, так её ещё и неглубокий болотистый овражек разделяет ровно наполовину — с одной стороны остаётся восемь домов, с другой — девять.

Когда-то домов было больше, но, оставленные хозяевами (одни переехали в благоустроенные многоквартирные дома в совхоз, другие подались в город, на заводы, учёбу, да так там и осели, обзавелись семьями), они постепенно хирели, крыши у них проваливались, дворы разрушались, и теперь на их месте пустыри, заросшие крапивой да дикой злой травой в человеческий рост.

Если в эти пустыри углубиться, непременно ноги побьёшь о догнивающие, хаотически упавшие брёвна былых срубов. Вот туда никто и не ходит. Но напоминает мне вид этих пустырей человеческие судьбы. Вот так же выстраиваются они в хлопотах и заботах о пропитании, довольствии, удобствах, с нацеленностью на далёкое будущее (ведь ради этого неясного будущего всё и создаётся, столько трудов и сил полагается), а приходит срок, и...

Так незаметно, исподволь пришёл к Володе и его срок.

7

В тот год я работал в городе, далёком от родных мест, и потому в деревню наезжал редко. Да и вовсе, если быть точным, в ней не бывал. Лишь раз, под осень, в конце августа заглянул туда проведать свой сиротливо стоящий с закрытыми окнами дом. Тогда и узнал неожиданную новость о Володе.

Как-то прошедшим летом, абсолютно трезвый, он всех удивил. Ни с того ни с сего пошёл по домам нашей деревни и везде каялся в том, у кого что подворовал.

Всех обошёл, перед всеми повинулся. Люди только руками на него махали: нашёл что вспоминать, мы уж про это давно забыли. Никто на Володю не держал зла. Хотя тут, конечно, в этих словах полной правды не

было: пропажа забывалась, её со временем становилось не жалко, а вот нанесённое воровством оскорбление помнится долго.

В общем, дивились люди такому необычному поступку, успокаивали непутёвого соседа, как могли, у кого насколько хватало сердца. Ну вот разве в том, в чём каялся Володя, он и был только виноват, а другого никакого зла за ним не числилось, никто ничего худого вспомнить не мог.

А на следующее утро облетела деревню ошеломляющая всех весть: ночью Володя помер!

8

На этом можно было бы и закончить мне свой рассказ, если бы не ещё один эпизод, свидетелем которого я был.

Осиротела без Володи наша деревня. Вроде бы какая-то особенная душа ушла из неё, что-то необъяснимое, словами не передаваемое, изменилось, потухло в ней.

Никто больше рано утром не стучал к нам в дверь, не приходил к нам с просьбой опохмелиться днём. Не выбегал с радостным лаем на середину улицы Жучок, встречая возвращающегося с работы, пошатывающегося от выпитого за день вина хозяина, не крутился пёсик у его ног, задрав крючком несущий, лохматый хвост.

Не первым Володя был человеком, который при мне в деревне

покинул этот мир, но первым, о котором сердце моё испытало скорбь — настоящую, неслучайную. Особенно, когда узнал о последнем покаянно-прощальном дне его жизни.

Видимо, что-то было открыто Володе, раз так смело пошёл он «в народ» исповедоваться.

Сиротой остался и преданный ему пёс. Летом Жучку жилось, как обычно, сытно, а вот что делать зимой?

Договорилась медсестра с последней постоянной жительницей деревни, чтобы Жучок перезимовал с ней. Сама еженедельно из города возила кобельку еду, оставляла её у пожилой хозяйки; та ежедневно по необходимости выдавала прибегающему от своего двора к её дому пёсику дневную норму. Вовсе от своего двора Жучок уходить не хотел. К дому у дороги приходил только ради еды, а к ночи по им же набеганной узкой тропинке возвращался обратно в свою конуру, смастерённую и заботливо утеплённую ещё Володей.

К тому времени и моя работа в дальнем сибирском городе закончилась, я возвратился в родные места.

Начало декабря выдалось морозным, но малоснежным, и я, истосковавшись по тишине, по свежему лесному морозному воздуху, решил на два дня уехать в свою деревню.

Тишиной покинутого людьми места встретила меня знакомая улица. Это пространство на

земле уже окончательно было оставлено жителями до следующей весны.

Я вынул из машины сумку с припасами, открыл дом, вошёл под его крышу.

В сенях холодно, неуютно. Особый нежилой запах говорил о том, что давно хозяева не появлялись в этом жилище. Дом, как живое существо: он и скучает без людей, и томится, и стареет, дряхлеет раньше времени. Тогда и появляется в нём этот старческий запах.

Но зато как он оживает, стоит открыть его двери, отёрнуть с окон занавески, впустив во внутреннее бревенчатое пространство дневной свет — даже такой тусклый, замирающий, потухающе закатный, тот особый свет окончания дня, который только и бывает во время бесприютной русской зимы.

Первым делом принёс дрова, затопил печь в первой комнате (вторую решил не открывать и печь в ней не затапливать — тяжело сразу обогреть весь дом), сходил к роднику за водой. И тут у крыльца увидел маленького, серенького полосатого котёнка. Малыш призывно мяукал, похоже, что просил есть, но в руки не дался. Почти сразу он убежал к соседнему дому, спрятался там под крыльцо.

Я наломал ему разной еды на бумажную тарелочку (кусочки сыра, колбасы, ветчины), поставил её к лазу под крыльцо, туда, куда спрятался котёнок.

Пока дом обогревался и впитывал в себя уют электрического света, пока пощёлкивание и потрескивание в печи поленьев и свист закипающего чайника наполняли его пространство ожившими звуками, я ещё несколько раз выходил в морозную ночь, звал к себе котёнка (жалко было оставлять его на морозе, хотел забрать в тепло), но он так и не показался.

Поздно поужинав, при лунном свете я прошёл нашей улицей к покрытому льдом, слегка запорошенному снегом озеру. Постоял на плотине, слушая, как в ночи падает вода в обледенелый чёрный зев колодца водосброса.

Первобытная, космическая тишина окружала меня. Ни звука вокруг, и только холодный, тягучий зов замерзающей стекающей воды под безжизненным лунным светом.

Уже тогда я подумал, что запомню эту ночь на всю свою оставшуюся жизнь.

На следующий день мне нужно было возвращаться домой. Котёнка я решил забрать с собой, но с сожалением увидел, что ничего из оставленного мною для него он не съел.

Укладывая вещи в машину, увидел, как по узкой замёрзшей тропинке торопится на край деревни Жучок. Пробежит несколько метров и встаёт, оглядывается, словно кого-то поджидает. Затем опять то же самое.

Я сел в машину, выехал на дорогу с нашего конца деревни

и поехал в объезд. Напрямую не позволял проехать овражек. Дорогу снегом ещё не завалило, и заледенелая примороженная корка на ней громко хрустела, ломаясь под шинами.

Когда машина поравнялась с крайним домом у дороги, и я, прощаясь, взглянул на деревню, то с изумлением увидел, как Жучок ведёт за собой к единственно оставшемуся жилому дому котёнка. Пройдёт немного по тропинке и, остановившись, оглядываясь, дожидается неспешно прыгающего за ним котёнка.

Увиденное настолько поразило меня, что я подумал: «Это Володина душа вместе с Жучком спасает только народившуюся кошачью жизнь».

Никого больше в этом белом замороженном пространстве не оставалось. Только одинокая старушка, осиротевший пёс и бесприютный котёнок.

И над ними тусклое, размытое, замерзающее зимнее солнце России.

*д. Кунавино
15-16 августа 2019 г.*